

СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

САМУРАИ И ЧИНГИСХАН • ИЕЗУИТЫ В ЯПОНИИ
НИНДЗЮЦУ • ТАЙНЫ БУСИДО • КАМИКАДЗЭ

 FOLIO

Загадки истории (Фолио)

Денис Журавлев

Страна восходящего солнца

«ОМІКО»

2008

Журавлев Д. В.

Страна восходящего солнца / Д. В. Журавлев — «ОМІКО»,
2008 — (Загадки истории (Фолио))

Япония... Пожалуй, нет другой такой страны, которая в течение веков остается загадкой для всего мира. О самураях, ниндзя, камикадзе написаны тысячи книг, снято множество кинолент, и хотя их герои давно сошли с исторической сцены, до сих пор не все их тайны раскрыты. Нет также однозначных и рациональных ответов на вопросы: почему непобедимые монголы так и не смогли завоевать Японию в XIII столетии и почему она не стала католической страной три века спустя? Разгадывая тайны прошлого, вы узнаете много интересного об этой удивительной экзотической стране, но главное, сможете попробовать самостоятельно найти отгадки на вопросы, будоражащие умы современных японцев и людей, казалось бы, далеких от Страны восходящего солнца.

Содержание

Меч, крест и камикадзэ,	5
Самураи против потомков Чингисхана	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Д. В. Журавлев

Страна восходящего солнца

Меч, крест и камикадзэ, *или* Несколько японских загадок

*Роса на пожнах меча
Застыла капельками слез,
Жалея о прошедшей ночи...*

(Неизвестный японский поэт XVII века)

Сначала немного о том, чем *не является* книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в своих руках. Итак, это *не* очередная попытка создать некую связную историю Японии (историю политическую, экономическую, социальную или культурную), это *не* энциклопедия всех японских обычаев, традиций и просто загадок и странностей, коими они часто кажутся тем, кто мало знаком с Японией. В равной степени это и *не* специальная научная работа, посвященная некой узкой проблеме, хотя ее автор – профессиональный историк. Скорее, эта книга, выходящая в серии «Загадки истории», представляет собой подобие калейдоскопа, узор которого составляют пять по-своему переплетенных между собой сюжетов, посвященных темам, более или менее окутанным покровом тайны. Почему этих сюжетов именно пять? Сложно сказать. Может быть, потому, что великий фехтовальщик времен японского Средневековья Миямото Мусаси когда-то назвал свою книгу о философии меча «Горинно сё» – «Книга пяти колец», по числу традиционных для Дальнего Востока стихий (Земля, Вода, Огонь, Воздух и Пустота). Может быть, сначала многим читателям такой отбор сюжетов покажется несколько бессистемным, но связь между ними есть – так же как взаимосвязаны пять упомянутых стихий.

Итак, читателя ждет знакомство с:

- загадками монгольского вторжения в Японию в XIII веке;
- деятельностью отцов-иезуитов в Стране восходящего солнца и с тем, как Япония чуть не стала католической страной;
- секретами неуловимых «людей-теней»;
- тайнами идеала *бусидо* (Пути воина);
- загадками «божественного ветра» в XX веке.

Постойте, вправе сказать читатель, а где же обещанные загадки, если о самураях, ниндзя и камикадзэ не слышал разве что только тот, кто вообще ничего не знает о Японии? Конечно же, именно о них, выразителях «янского» начала «загадочной японской души», написано много, пожалуй, больше, чем даже о популярных «иньских» бонсай, чайной церемонии и гейшах. Пожалуй, именно необычность, экзотичность этих ярких образов вызывает неизменный интерес читателя к данным темам. Впрочем, по прочтении значительного количества русско- и англоязычной литературы на эту тему у автора появилось не меньше новых вопросов, касающихся вышеупомянутых образов, чем их было вначале. Ответить на некоторые из них помогли источники (японские *гунки*¹, романы, повести, сборники стихов, пьесы театра *Но* и

¹ *Гунки* – в японской литературе так назывались военные эпосы, посвященные борьбе за власть между феодальными домами.

Кабуки, воинские трактаты и наставления, дневники). Другие же так и остались без ответа, ведь загадка не всегда требует немедленной отгадки...

Если же говорить более конкретно, то в главе о ниндзя речь будет идти о малоизвестных рядовому читателю, интересующемуся историей Японии (а также военной историей и историей спецслужб), фактах, касающихся возникновения, становления и упадка такого оригинального исторического феномена, как средневековый профессиональный шпионаж (*синоби-дзюцу*, или же *ниндзюцу*). Читателю будет предложен образ ниндзя, в чем-то сходный, а в чем-то существенно отличающийся от общеизвестного образа «воина-призрака», доминирующего в массовом сознании большинства наших сограждан.

В главе о самураях сделана попытка проследить малоизвестные моменты из истории возникновения идеалов самурайского сословия, развития его морально-этических норм, влияния самурайских идеалов на формирование того, что сами японцы называют «духом японской нации». Сразу попытаемся ответить на возможное возражение, что абсолютное большинство самураев никогда не были такими, как их изображают идеализирующие этот типаж гунки, хроники, стихи и пьесы. Все верно. Но нас интересует, почему именно жизненный идеал Пути самурая был и остается настолько притягательным как для жителей Японии, так и для многих людей далеко за ее пределами, хотя самурайство как сословие (как и его европейский аналог – рыцарство) давно сошло с исторической сцены.

Всем настоящим «милитаристам» (мы имеем в виду любителей и ценителей военной истории) посвящается первая глава этой книги, повествующая о попытке монгольского хана Хубилая завоевать Японию – единственной в своем роде за всю японскую историю вплоть до XX века. А вот глава о камикадзэ времен Второй мировой войны опять же скорее является попыткой приблизиться к пониманию психологии, побудительных мотивов «тех немногих, коим страна была обязана так многим»; правда, эта страна проиграла свою войну (во многих смыслах), в отличие от той, защитникам которой посвятил Черчилль эти гордые слова. Тех, кто уже в новых условиях ступил на Путь воина и прошел его до конца, навсегда врезавшись своим смертоносно-завораживающим пиком в историческую память Востока и Запада.

Несколько особняком стоит глава о христианстве в Японии в «самурайские времена». Впрочем, основной целью автора было попытаться найти варианты ответа на вопрос, было ли возможно «встраивание христианства» в то, что мы называем традиционной японской ментальностью, или даже серьезное изменение этой ментальности, и дать читателю как можно больше материала для размышлений о том, почему все-таки эта религия после ряда поистине головокружительных перипетий так и осталась для Японии маргинальной.

В трех последних главах книги, где сюжетная канва играет сравнительно меньшую роль, автор иногда пытался сознательно отталкиваться от уже существующих у читателя, часто достаточно стойких представлений о таких «специфических японских» образах, как самурай, ниндзя и камикадзэ. При этом автор ни в коей мере не претендует на полное владение информацией, необычайную глубину понимания проблемы и некое непогрешимое «научное» знание.

В конце книги вниманию тех читателей, которых заинтересовали данные (или же каким-то образом связанные с ними) сюжеты, предлагается небольшой список литературы, доступной для человека, не владеющего японским языком.

В завершение нашего краткого предисловия – немного о принципе передачи кириллицей японских имен собственных и нарицательных в этой книге. Он основывается на привычной для большинства читателей традиции, которой придерживались советские и современные российские и украинские японисты – то есть с употреблением звука «дз», а не «дж» (как это принято в англоязычной литературе), то есть «Фудзи», а не «Фуджи», «с», а не «ш» – («сёгун», а не «шогун»), «ц», а не «тс» («Цусима», а не «Тсусима»), а также «э», вместо нехарактерного для японского языка «е» (отсюда «камикадзэ», «Симоносэки»).

Япония в древности была известна под разными названиями, среди которых наибольшее распространение имели «страна Ямато», «страна стрекозиных островов» и знаменитое «Страна восходящего солнца». Автор пытался по мере сил сохранить японское звучание названий, чем объясняется его нежелание склонять японские географические названия, как похожие русские слова, – («осада Осака», а не «Осаки»). Одновременно имена и фамилии в данном тексте все же склоняются, ибо в противном случае это слишком бы затруднило восприятие текста. Внимание: японские имена и фамилии в книге всегда приведены так, как это принято в Японии – сначала идет фамилия, потом имя (например, Ода Нобунага – человек по имени Нобунага из семьи Ода). Иногда одна из частей имени – вовсе не фамилия, а прозвище (Миямото Мусаси – Миямото из провинции Мусаси, притом что и Миямото – «творческий псевдоним» великого мастера меча). Вообще, самураи нередко меняли имена – не только принимая монашество, но и по велению родителей, господина или официальных властей, но мы будем продолжать называть, к примеру, князя Минамото Ёсицунэ именно так – от рождения до смерти, хотя за это время он успел сменить с полдюжины имен. Имя из одного слова, скорее всего, указывает на несамурайское происхождение персонажа, хотя бывают и исключения.

Для облегчения чтения мы везде пользуемся европейским христианским летоисчислением, не употребляя японских названий годов правления императоров и сёгунов. Но автор счел нужным оставить традиционные японские названия основных исторических периодов (эпох) в истории Японии, часто встречающиеся в научной и научно-популярной литературе. Здесь мы приводим их вплоть до эры Мэйдзи:

эпоха *Дзёмон* -

XIII тысячелетие до н. э. – III век до н. э.

эпоха *Яёи* -

III век до н. э. – III век н. э.

эпоха *Ямато* -

III век н. э. – 710 год

эпоха *Пара* -

710-794 годы

эпоха *Хэйан* -

794-1185 годы

эпоха *Камакура*

(она же *сёгунат Минамото* и регентство *Ходзё*) -

1185–1333 годы

эпоха *Муромати* (она же *сёгунат Асикага*) -

1333–1573 годы

эпоха *Момояма* -

1573–1603 годы

эпоха *Эдо* (она же *сёгунат Токугава*) -

1603–1868 годы

эпоха *Мэйдзи* -
1868–1911 годы.

Неофициально же период, начавшийся в 1490-х и длившийся до начала 1600-х годов, получил в Японии название эпохи *Сэнгоку дзидай* – «сражающихся царств» (т. е. раздробленности и военного противостояния), и мы часто будем употреблять это название наряду с названиями эпох, приведенных выше. Под несколько расплывчатым словосочетанием «эпоха самураев» мы будем иметь в виду колоссальный период японской истории со времен Камакура и до реставрации Мэйдзи, то есть время, когда *воины-буси* играли значительную роль в истории Страны восходящего солнца в качестве важнейшего сословия японского общества.

Самураи против потомков Чингисхана

Загадки монгольского вторжения в Японию в XIII веке

Чингисхан и самураи? Завоевание Страны восходящего солнца монголами? Постойте-ка, может сказать читатель, не слишком хорошо знакомый с историей далекой Японии, неужели нам опять предлагают что-то в духе альтернативной истории? Спешим успокоить (или разочаровать) нашего читателя. Речь в данной главе пойдет о достаточно известном событии в истории Дальневосточного региона, которое сами японцы называют словосочетанием «*Мёко сурай*» – «монгольское вторжение». Впрочем, в истории «Мёко сурай» до сих пор остается немало непонятного и даже загадочного, в чем вы вскоре сами сможете убедиться.

Собственно, следует говорить о двух значительных вторжениях войск хана Хубилая на Японские острова – в 1274 и 1281 годах. Оба они крайне нетипичны для истории как Монгольской империи, так и страны Ямато.

Для первой – поскольку это были морские походы колоссальных масштабов, причем закончились они катастрофой. Для второй – хотя бы потому, что это была первая и последняя (до XX века) война, которую японцы вели на своей территории против иноземных завоевателей. Победа самураев над грозными монголами, одержанная к тому же при явном вмешательстве божественных сил (а как иначе следовало расценивать два тайфуна, последовательно уничтожавших флот Монгольской империи?), имела колоссальное значение для укрепления представлений о Японии как об уникальной стране, «земле богов», что наложило неизгладимый отпечаток на формирующийся менталитет японской нации. События конца XIII века стали неотъемлемой частью национального мифа, войдя в японский эпос и искусство, а после «реставрации Мэйдзи» – и в школьные учебники, популярную литературу и т. д. В конце концов, именно этим событиям мир обязан появлением широко известного термина «ками-кадзэ» (другое прочтение тех же иероглифов – *симпу*).

Однако обо всем по порядку. Для начала несколько слов о том, что представляли собой страны, войска которых вступили в яростную схватку на берегах южных японских островов Ики, Цусима и Кюсю осенью 1274-го и летом 1281 года.

Начнем с Японии. Страна восходящего солнца к середине XIII века представляла собой уже не конгломерат слабо связанных между собой провинций и феодальных владений, как это было столетием раньше, а относительно (насколько это вообще было возможно для Средневековья, в том числе японского) централизованное государство – сёгунат Минамото. Знаменитый род Минамото вышел победителем из кровопролитной войны *Гэмтэй* (1180–1185 гг.), которую по праву можно считать японским аналогом Войны Алой и Белой розы, сокрушив своего основного противника – семейство Тайра. Глава победившего клана, Минамото Ёритомо, в 1192 году был официально провозглашен «*сэйи тайсёгуном*» – «великим полководцем, покорителем варваров» (впрочем, проще именовать его самого и его преемников сокращенным вариантом этого термина – *сёгун*). Император (*тэнно*²) формально считался правителем страны, однако вся реальная власть находилась в руках сёгуна. Резиденцией последнего стал небольшой город Камакура на севере Хонсю (неподалеку от современного Токио, который тогда, правда, еще не существовал), в то время как императорской столицей продолжал оставаться Киото. Собственно, весь период истории Японии с 1185 по 1333 год нередко называют эпохой *Камакура*. Однако Ёритомо правил страной недолго – в 1199 году он умер, а вскоре этот бранный мир покинули и оба его сына – Ёриэ (1203 г.) и Санэтомо (1219 г.). Вместе с гибелью последнего от рук заговорщиков фактически закончилось правление рода

² *Тэнно* – с японского буквально – небесный государь, титул японского императора.

Минамото. Но система, основанная Ёритомо, уцелела и доказала свою жизнеспособность, при этом, правда, она причудливым образом видоизменилась. Теперь в стране, кроме реально не правящего императора, существовал еще и марионеточный сёгун (как правило, родственник Минамото из числа родовитой придворной знати, связанной кровными узами с фамилией Фудзивара, или же вообще принц – родственник самого императора). Вся полнота власти сосредоточил в своих руках род Ходзё, который вел свое происхождение от тестя Минамото Ёритомо Ходзё Токимаса. Между прочим, род Ходзё происходил от одной из линий Тайра, и в жилах его представителей текла кровь обоих самых известных аристократических родов – когда-то непримиримых соперников в борьбе за власть. Именно аристократы Ходзё правили страной, обладая довольно скромным по придворным меркам титулом *сиккэн* – «регент».

К моменту начала монгольской эпопеи на японском политическом Олимпе существовал следующий расклад: императором был Камэяма (правил с 1259 по 1274 год), которого сменил Го-Уда (правил в 1274–1287 гг.). Сёгуном официально считался представитель императорской семьи принц Корэасу (1266–1289 гг.), сиккэном же с 1264 по 1268 год был Ходзё Масамура. По ходу нашего повествования читатель познакомится с еще одним Ходзё – молодым и доблестным Ходзё Токимунэ, на чьи плечи легла забота организации отпора захватчикам после того, как в марте 1268 года Масамура передал ему власть, оставшись своеобразным «начальником штаба *бакуфу*» (бакуфу – военное правительство Японии в тот период). Токимунэ родился в 1251 году, следовательно, к моменту появления в Японии первых монгольских послов в 1268 году ему было неполных 18 лет, а ко времени первого нашествия едва исполнилось 23 года. В 1272 году он успешно пресек попытку своего двоюродного брата Ходзё Токисукэ захватить власть и в дальнейшем успешно руководил организацией обороны Японии от монгольских сил вторжения. В распоряжении сиккэнов был разветвленный бюрократический аппарат на местах, сотни вассальных князей (*Займе*), наделенных землями, и десятки тысяч самураев, получающих содержание и готовых выступить в поход по первому приказу. Однако в Стране Ямато далеко не все было благополучно.

50-60-е годы XIII века ознаменовались рядом стихийных бедствий и несчастий, обрушившихся в том числе и на главные города Японии – Киото и Камакура. Это были большие пожары, несколько наводнений и землетрясений, штормовые ветры и ураганы (1251, 1253, 1256, 1257 гг.), вызвавшие гибель многих людей и значительной части урожая на Хонсю. Следствием стали голод и эпидемии (1258, 1260 гг.), охватившие практически всю страну. Япония, казалось, застыла в ожидании новых бед – внутренних распрей между представителями правящего дома, а также нового, невиданного лиха, предсказанного многими буддийскими священниками, в том числе знаменитым Нитирэном (о нем мы расскажем чуть дальше) – вторжения неведомых, непобедимых врагов извне, с континента. Об этих врагах давно ходила масса слухов, и их неизбежный приход кое-кто расценивал как божественную кару за злоупотребления властью предрежащих и прегрешения всех жителей страны Ямато. Речь шла о монголах, завоевавших к тому времени значительную часть Евразии.

Будущий противник Страны восходящего солнца – Монгольская империя – к началу второй половины XIII века по любым меркам могла считаться сверхдержавой. Уже при великом Чингисхане ее владения простирались от Кавказа до Северного Китая, а за несколько десятилетий, последовавших после смерти основателя династии, монголы завоевали столько стран и народов, что одно их перечисление не может не впечатлять. Монгольскими подданными, данниками, или тем или иным образом зависимыми от монголов были народы Руси и Средней Азии, Кавказа и Закавказья, значительной части Ближнего Востока и Ирана, Афганистана, Северного Китая, Приморья, не говоря уже об огромной полосе Евразии от Тихого океана до Венгрии. Чингисхан отчетливо выразил своеобразную монгольскую философию: «Счастье заключается в том, чтобы побеждать врагов и видеть их беспорядочное бегство, захватить их собственность и упиваться их отчаянием, овладеть их женами и дочерьми». Средневековый

хронист Матвей Парижский назвал монголов «сатанинской нацией, которая разлилась повсюду как дьяволы из ада», и потому их правильно называют татарами (здесь имелась в виду игра слов: татары – выходцы из Тартара, т. е. из ада).

Однако этим «невежественным», «примитивным» кочевникам удалось создать могучую, по-своему прекрасно организованную империю, равной которой не знал тогдашний цивилизованный мир. Другое дело, что строилась она в буквальном смысле на костях поверженных народов и на пепле их сожженных городов. Потрясающие монгольские завоевания в Персии и Сирии какое-то время угрожали существованию всей исламской цивилизации. Римская курия строила далеко идущие планы обращения монголов в католицизм и союза с ними против арабов и турок. Особую надежду папа возлагал на Великого хана (*каста*) монголов, внука великого Чингиса – Хубилая.

Хан Хубилай (1214–1294), несомненно, являлся одним из наиболее выдающихся монгольских правителей. Его отцом был младший сын Чингисхана Толуй. Он скончался, когда Хубилаю было около 17 лет. По одной версии, Толуй умер от пьянства, по другой же, романтической, погиб от того, что принял на себя смерть своего брата – преемника Чингисхана Угэдэя, завоевателя Северного Китая, Армении, Грузии и Азербайджана, отправившего своего племянника Бату-хана (Батые) в поход на Русь и Восточную Европу. Угэдэй тяжело заболел, и Толуй просил Небо взять его жизнь в обмен на жизнь старшего брата. В результате Угэдэй поправился, а Толуй умер. Мать Хубилая, Соргатгани, была племянницей главного соперника Чингисхана в борьбе за власть над монголами Ван-хана, повелителя племени керейтов. Чингисхан женил на ней своего сына после разгрома соперника. Историки пишут, что Соргатгани была христианкой по вероисповеданию, отличалась большим умом, а свою жизнь посвятила воспитанию четырех сыновей. За год до своей смерти Чингисхан лично смазал 14-летнему Хубилаю большой палец руки жиром и мясом, чтобы внук, согласно верованиям монголов, вырос хорошим охотником. Как и все монгольские принцы, охотником Хубилай вырос превосходным, равно как и воином, и политиком. Около 1250 года он владел большим уделом, включавшим в себя значительную часть Китая. После смерти великого хана Мункэ (родного брата Хубилая), в 1258 году, на традиционном курултае Хубилай был избран великим ханом Монгольской империи. Его власть оспаривали многочисленные родственники, мятежи которых новый великий хан успешно подавлял на протяжении всего своего правления. Родной брат Хубилая, Хулагу, правил западной частью Монгольской империи, включавшей в себя Ближний Восток, Персию, Закавказье. Хубилай же, оставаясь великим ханом монголов, 8 декабря 1271 года в городе Ханбалык (т. е. в Пекине) провозгласил род Чингисидов новой китайской императорской династией. Она получила название Да Юань, или просто Юань, и ее правление в Китае продолжалось 97 лет. В 1256 году монголы покорили Корею, *ваном* (правителем) которой стал их ставленник, известный как Ван Джон. Более того, Хубилаю удалось объединить под своей властью весь Китай, завершив к 1276 году завоевание юга Поднебесной и покончив с местной китайской династией Сун. В 60-80-х годах XIII века войска империи Юань провели серию военных кампаний в Бирме, Южном Китае, Вьетнаме, на острове Ява. А вскоре зашла речь и о присоединении Японии к необъятной империи монгольских ханов.

Повышенная военная активность Хубилая имеет несколько возможных объяснений. Во-первых, соображения престижа, а следовательно, и власть хана в монгольской традиции напрямую зависела от поддержки влиятельной кочевой аристократии, которая к середине XIII столетия состояла из разросшегося рода Чингисидов и породненных с ним семейств. Наиболее реальную заинтересованность степная знать проявляла при возможности захвата крупной добычи, рассматривая военный поход как крупную, хорошо организованную грабительскую экспедицию. Не ведя войн, каану было очень легко лишиться поддержки собственно монгольской верхушки, чувствовавшей себя обделенной. Ведь в структуре чиновничьего аппарата империи Юань доминировали китайцы, персы, арабы – представители завоеванных монголами

народов, имевших значительно более высокую культуру. В течение всего правления Хубилаю приходилось усмирять бунты близких сородичей (племянников, двоюродных братьев и т. д.) – Ариг-Буги, Наяна, Тог-Тимура, Хайду... В таких условиях было бы наиболее разумным направить активность степных аристократов на завоевание, ограбление и дальнейшее выкачивание ресурсов из все новых и новых стран, располагавшихся по соседству. Но дело в том, что завоеваний жаждали не только монголы. К примеру, многие китайцы видели в Хубилае... восстановителя величия Поднебесной. Китай же традиционно воспринимался как естественный центр дальневосточной (и, по правде говоря, единственной, которую сами китайцы расценивали как настоящую) цивилизации.

Поэтому всякий раз, когда в Поднебесной заканчивалась эпоха междоусобиц и к власти приходила новая сильная династия, колоссальная энергия многомиллионного народа направлялась в русло внешней экспансии. Так было во времена династии Тан (VII – начало IX в.), тот же стереотип господствовал и в XIII веке. Позднее, уже после падения монгольской династии Юань, новые китайские правители из династии Мин будут проводить активную внешнюю политику, направленную на завоевание соседних стран и утверждение неоспоримого господства Китая в регионе.

Так что и китайские, и монгольские придворные и приближенные Хубилая сходились в том, что империи Юань нужны новые территории богатства. Фактически получался замкнутый круг – добыча и налоги с недавно завоеванных территорий шли на завоевание новых земель, при этом значительная часть богатств оседала в карманах чиновников. Последних, в том числе занимавших самые высокие посты, периодически казнили, но это не помогало кардинально изменить ситуацию. Казна империи вечно испытывала недостаток в деньгах, несмотря на колоссальные доходы от населения.

Конечно, великий хан не забывал и о себе. Описание знаменитым путешественником Марко Поло роскошной летней резиденции хана Шаньду (Чианьду) давно стало хрестоматийным: «На этом месте расположен прекрасный дворец, стены комнат в котором позолочены и разрисованы фигурами людей, животных и птиц, разнообразными деревьями и цветами, исполненными с величайшей утонченностью, и вы вспоминаете об этом с восторгом и удивлением... Вокруг дворца построена стена, охватывающая на протяжении 16 миль заповедные парки, фонтаны, реки, ручьи и прекрасные луга со всеми видами диких животных, исключая, конечно, особо свирепых. Здесь обитают более 200 соколов-кречетов. Великий хан каждую неделю отправляется лично посмотреть на птиц и иногда ездит верхом в сопровождении дрессированного леопарда, и если встречает какое-либо животное, понравившееся ему, то выпускает на него своего леопарда. Более того, посреди прекрасного леса там стоит еще один дворец, построенный из бамбука. Он весь позолочен, украшен колоннами с драконами, поддерживающими крышу дворца... Конструкция дворца устроена так, что можно быстро собрать и разобрать его с легкостью. Он может быть перемещен в любое другое место, куда пожелает император». Сюда, в Шаньду, а также в Ханбалык, где Хубилай проводил осень и зиму, приезжали иноземные послы и купцы (в их числе были и братья Поло), стекалась информация о соседних странах, которые Хубилай мечтал включить в состав своей империи. К счастью, до нас дошла информация из чего-то, напоминающего шпионский отчет (автор которого неизвестен), составленный о «стране Чипангу», или «Сипанго», как китайцы тех времен называли Японию.

Именно этот отчет лег в основу известного описания Японии в книге Марко Поло. Мы не раз будем обращаться к творению знаменитого путешественника, что и неудивительно, учитывая, что мессер Марко появился при дворе Хубилая как раз в год первого вторжения войск империи Юань на Японские острова (1274 г.) и был свидетелем подготовки и реализации второго вторжения (1281 г.) Далее читатель может ознакомиться со строками, взятыми из «Книги о разнообразии мира» Марко Поло, на протяжении нескольких веков являвшимися для европейцев основой представлений о Стране восходящего солнца.

«Остров Чипангу на востоке, в открытом море; до него от материка – тысяча пятьсот миль. Остров очень велик, жители белы, красивы и учтивы, они идолопоклонники, независимы и никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие. Чрезвычайно много его тут и не вывозят его отсюда – с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда, оттого-то золота у них, как я вам говорил, очень много. Опишу вам теперь диковинный дворец здешнего царя. Сказать по правде, дворец здесь большой и крыт чистым золотом, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви. Стоит это дорого – и не счесть! Полы в покоях, а их тут много, покрыты также чистым золотом, пальца два в толщину; и все во дворце, и залы, и окна, покрыты золотыми украшениями.

Дворец этот, скажу вам, безмерное богатство, и диво будет, если кто скажет, чего он стоит!

Жёмчуга тут обилие; он розовый и очень красив, круглый, крупный; дорог он так же, как и белый. Есть у них и другие драгоценные камни. Богатый остров, и не перечесать его богатства.

Когда великому хану Кублаю, что теперь царствует, порассказали об этих богатствах, из-за них захотел он завладеть этим островом».

Несмотря на тон очевидца, судя по данным современных исследований, Марко Поло в Японии все-таки лично не был и рассказывал о сказочных богатствах страны Ямато со слов китайских, корейских и монгольских купцов-агентов, а возможно, и послов Хубилая. Эти рассказы грешили значительными преувеличениями, содержащиеся в них данные оказались довольно-таки неточными. Действительно, в Японии добывали жемчуг (делали это знаменитые *ама* – девушки-ныряльщицы), в том числе и розовый. Возможно, мессер Марко даже видел этот жемчуг – в конце концов, его семья занималась торговлей драгоценными камнями. А вот с рассказами о золотом дворце японского императора и обилии драгоценного металла на Японских островах все не так просто. Золото в Японии добывали в немалом количестве на острове Хонсю, в провинции Митиноку. Месторождения были открыты в 749 году, о чем известным японским поэтом Отомо Якамоти была сложена торжественная песнь. Интересно, что положенная тысячу сто лет спустя после написания на музыку она в 1880 году стала... гимном японского императорского флота. Вот уж воистину неисповедимы пути богов! Однако шло золото не столько на украшение императорского дворца, сколько для украшения внушительных статуй Будды (в том числе в Нара и Камакура) и в казну. Жалованье простые самураи получали рисом, а желанным подарком для придворного были красивые веера, оружие и т. д. Ни императоры, ни сёгуны золотом не швырялись. Куда уж тут до золотых полов в два пальца толщиной! Возможно, что монгольских послов хотели специально попытаться ошеломить богатством (а значит, и могуществом) японского императора и его двора. Если наше предположение верно – японская сторона допустила в деле с послами Хубилая досадный промах. Вид золота (или позолоченной, лакированной бронзы?) мог только подогреть аппетиты монголов и китайцев, входивших в состав посольства. Фразу Поло о запрете на вывоз золота из Японии можно попытаться объяснить неким временным эмбарго на торговые контакты с континентом: известно, что в XIII веке японцы достаточно активно торговали с Кореей и Китаем.

Однако заговорив о послах Хубилая в Японию, мы немного забежали вперед. Слухи о богатстве Японии не могли не заставить Хубилая и его приближенных задуматься о возможности присоединить еще одну изобильную провинцию к огромной империи. Тем более что расстояние между континентом и Японскими островами далеко не так велико, как писал Поло в вышеупомянутом отрывке. Южный японский остров Кюсю отделяет от Кореи довольно узкий Корейский пролив. Так что здесь речь идет не о 1500 милях (примерное расстояние от китайских портов до Японии), а о 100–150 километрах (расстояние от южнокорейского порта Пусан до берегов Кюсю). Впрочем, для того чтобы преодолеть даже это расстояние, нужен флот и некая база. Но именно это и было у Хубилая к началу 1260-х годов! У ног внука Чингисхана лежала покоренная и опустошенная Корея, обладавшая портами и, главное, солидным фло-

том (которого никогда не было у степняков-монголов по причине ненадобности). В случае необходимости Ван Джон мог выставить для нужд своего сюзерена флот в несколько сот крупных военно-транспортных кораблей, укомплектованных экипажами из корейских моряков, а также корейские войска для десанта. Другое дело, что корейцы не хотели войны с Японией – с куда большей радостью они бы избавились от монгольской власти (что в конце концов и сделали несколько десятилетий спустя). Основательно обескровленная междоусобицами и монгольским вторжением Корея стала буфером между Монгольской империей и Японией и одновременно трамплином для дальнейших завоевательных войн – незавидная роль, которая не раз в истории выпадала Стране утренней свежести³.

Как мы видим, у империи Хубилая были и желание, и определенные возможности для вторжения в Японию. Хан решил действовать традиционным дипломатическим путем, одновременно готовясь к войне. В 1266 году два монгольских посла на корейских судах попытались переправиться в Японию для переговоров. Однако эту попытку сорвали штормы в Корейском проливе. Следующее посольство Хубилая в январе 1268 года достигло своей цели – послы предстали перед представителем *бакуфу* на острове Кюсю и передали письмо очень примечательного содержания.

«Мы, милостью и велением Неба Император Великой Монголии, направляем это послание правителю Японии.

Нам известно, что с древнейших времен правители даже маленьких государств стремились поддерживать дружеские связи с владыками соседних земель. В столь же большей мере наши предки, которые обрели Срединную Империю, стали известны во множестве дальних стран, которые все преклонились перед их могуществом и величием.

Когда мы только что взошли на трон, множество невинных людей в стране Корка страдало от продолжительных войн. Посему мы положили конец войнам, восстановили их земли и освободили пленных, и старых и малых...

Мы просим, чтобы отныне вы, о правитель, установили с нами дружественные отношения, дабы мудрецы могли сделать Четыре Моря своим домом. Разве разумно отказываться поддерживать отношения друг с другом? Это приведет к войне, а кому же нравится такое положение вещей! Подумайте об этом, о правитель!»

На языке дипломатии XIII века это послание могло означать только одно: лишь немедленное подчинение Японии воле великого хана и выплата дани может спасти страну от широкомасштабного монгольского вторжения. Хубилай прозрачно намекал японцам на то, что им стоило бы последовать примеру Кореи («страны Корка») и наслаждаться всеми благами монгольского правления, отсылая в Ханбалык регулярную дань. Кроме всего прочего, письмо носило несколько провокационный характер – японского тэнно, небесного государя, именовали термином *правитель*, в то время как Хубилай подчеркнуто именовал себя *императором*. Такая сознательная провокация не могла не возмутить придворных императора Камэяма. Известный исследователь военно-политической истории средневековой Японии Стивен Тёрнбулл даже считает, что при дворе началась паника, связанная с безапелляционными и грубыми требованиями монголов. Впрочем, реальная власть в Японии находилась в руках сиккэнов Ходзё. 5 марта 1268 года сиккэном стал уже упоминавшийся нами Токимунэ, который сделал потрясающе простой ход: отослал монгольскую делегацию ни с чем, одновременно обратившись ко всем японским князьям и самураям с призывом забыть клановые распри, несправедливости, причиненные им, и объединиться ради защиты родных очагов и храмов. Хубилай настойчиво продолжал посылать своих представителей в Японию – в марте и сентябре следующего, 1269 года монгольские делегации снова посещают Киото и Камакура. Постепенно стало ясно, что обе стороны усиленно готовятся к войне, параллельно ведя безрезультатные и

³ Страна утренней свежести – традиционное поэтическое название Кореи.

бесперспективные переговоры. Японцы не собирались становиться добровольными данниками династии Юань. Последняя монгольская делегация посетила императорский дворец в Киото в мае 1272 года. Никаких результатов это не принесло, хотя, возможно, именно тогда китайцы и монголы в составе посольства закончили сбор разведывательной информации, отосланной впоследствии Хубилаю.

Хан еще в 1268 году потребовал от корейского правителя Ван Джона предоставить в распоряжение формирующейся монгольской армии вторжения корейских копейщиков, стрелков и моряков, а также корабли, провиант и все необходимое для успешной высадки в Японии. Экономика Кореи еще не восстановилась после разрушительного вторжения монголов, и Ван всячески тянул время, утверждая, что не может выполнить требования великого хана, особенно относительно поставок провианта. Естественно, Ван Джон никак не был заинтересован в том, чтобы его страна стала трамплином для завоевания Японских островов и основной тыловой базой монголов. Кроме всего прочего, активное участие Кореи в организации вторжения могло спровоцировать (и спровоцировало) резко негативную реакцию японской стороны. Японские пираты (реальная сила, в отличие от «официального» флота Японии, собиравшегося от случая к случаю) вполне могли парализовать корейскую морскую торговлю и перерезать важные для Кореи морские пути сообщения. Со своей стороны, правительство Ходзё Токимунэ пыталось сдерживать своих «джентльменов удачи», дабы не злить корейцев. Несколько пиратских вожakov были даже казнены, судя по всему – с использованием традиционного для Японии «мало-приятного» способа казни для пиратов: варки живьем в котлах. Однако ни осмотрительность Токимунэ, ни нежелание Ван Джона вести войну не могли помешать планам Хубилая. В 1273 году монгольские передовые части, предназначенные для вторжения, прибыли в Корею, где к ним должны были присоединиться корейские войска. Собственно монгольский контингент в объединенной армии составлял около 25 тысяч человек, плюс китайские (до 10 тысяч) и корейские (5 тысяч) части. Перевезти эту немалую армию (а монголы, собственно, представляли собой конницу, поэтому к вышеупомянутым цифрам следует добавить еще порядка 25 тысяч лошадей) должны были 900 корейских и китайских кораблей, собранных в портах Пусан, Ульсан и т. д. Современному читателю, привыкшему мыслить грандиозными масштабами, следует иметь в виду, что, например, по праву вошедшая в мировую историю попытка высадки испанских войск в Англии в 1588 году, которую испанцы пытались произвести с использованием так называемой «Непобедимой армады», имела несколько меньший размах, нежели это первое вторжение войск Хубилая в Японию (испанский флотоводец герцог Медина-Сидония имел в своем распоряжении 130 судов, 10 тысяч моряков и 20 тысяч солдат).

Вообще-то определенные параллели между двумя вышеупомянутыми военно-морскими предприятиями просто-таки напрашиваются. И здесь и там высадку организовывала могучая континентальная империя, имевшая значительный перевес в сухопутных силах, правда, в случае с монголами она к тому же еще и заметно превосходила своего островного противника на море. И Хубилай, и Филипп II Испанский проявили недюжинные таланты по формированию флота (которые собирались по всем владениям этих досточтимых монархов буквально при помощи метода «по сусекам поскребли»), а также при дипломатической и военной подготовке к вторжению. Войсками вторжения должны были командовать опытные профессионалы, состоявшие на имперской службе, – китайский стратег Лю Фухэн и итальянский герцог Алессандро Фарнезе. Монгольская конница и испанская пехота в свое время не знали себе равных на полях сражений. Их противники могли уповать, во-первых, на сильный, но менее многочисленный, чем у их врага, флот, ядро которого составляли вчерашние пираты и корсары, и, во-вторых, на достаточно слабую армию (в случае с Англией), и на немногочисленные пиратские корабли и неплохие, хотя и не слишком прогрессивно организованные (по сравнению с монгольскими) сухопутные войска (как это было в случае с Японией). Объективно и испанцы, и монголы имели солидные шансы на победу, даже несмотря на то что первым, чтобы добраться

до врага, нужно было пересечь неширокий Ла-Манш, а вторым – Корейский пролив. Но и первые и вторые проиграли, причем с катастрофическими потерями. Наконец, результат обоих неудавшихся вторжений имел немалое (хотя и различное) значение для стран-победительниц. По иронии судьбы, и в первом и во втором случаях важную роль сыграл погодный фактор – штормы и ураган. Последний момент можно расценивать как чистой воды случайность, хотя ни средневековый японец, ни англичанин эпохи Елизаветы Тюдор с нами, пожалуй, не согласился бы (на медали, выбитой в Англии в честь победы над «Непобедимой армадой», были слова: «Дунул Господь, и они рассеялись»).

И все же: были ли перед началом первого вторжения монголов в Японию хоть какие-нибудь факторы, хотя бы отдаленно указывавшие на их возможное поражение? Как нам представляется, такие факторы действительно были. Во-первых, хотя монгольские военачальники и правители демонстрировали подчас просто удивительную способность быстро осваивать новые для себя методы ведения войны (мы имеем в виду применение осадной техники, сложных гидротехнических работ при осаде крепостей и др.), морские плавания для них были делом новым, а на лояльность и желание воевать моряков-профессионалов – корейцев и китайцев – они не всегда могли положиться. Ясно, что и боевой дух сил вторжения (особенно корейских и китайских частей) был несколько ниже, нежели у японцев, которым отступать было попросту некуда. Кроме того, даже солидной армии в 40 тысяч человек было явно недостаточно для завоевания Японии. Похоже, мы можем констатировать тот факт, что Хубилай и его стратеги несколько недооценили противника. Два с половиной тумена⁴ конницы и 15 тысяч корейской и китайской пехоты вряд ли были в состоянии захватить даже южный остров Кюсю и удерживать его до прибытия подкреплений. В конце концов, даже два прославленных монгольских полководца, Джебе-нойон и Субудай-багатур, в 1223 году разбившие объединенную рать половцев и князей Руси в битве на Калке, не рискнули продолжать поход в глубь Руси, имея два тумена монгольских войск плюс неуставленное число союзников из числа степных племен. Войскам же Хубилая предстояло завоевывать страну, по количеству населения вполне сравнимую с Русью, страну, войска которой состояли из суровых воинов, готовых к назревавшей отчаянной схватке.

Особенного внимания, несомненно, заслуживает флот, который должен был перевезти монголо-китайско-корейские войска на Кюсю. К счастью, у нас есть как минимум два достаточно доступных источника, которые могут помочь представить себе, какими были китайские и корейские морские корабли XIII века. Для начала позволим себе еще одну цитату из книги наблюдательного Марко Поло. О судах, на которых китайские купцы совершали далекие торговые экспедиции в Индию, он пишет следующее: «Начнем сперва о судах, в которых купцы плавают в Индию и обратно. Суда эти, знаете, строятся вот как: строят их из елового дерева; на них одна палуба, на ней более шестидесяти покоев, и в каждом одном купцу жить хорошо. Они с одним рулем и четырьмя мачтами; зачастую прибавляют еще две мачты, которые водружают и опускают, как пожелают. Сколочены они вот как: стены двойные, одна доска на другой и так кругом; внутри и снаружи законопачены и сколочены железными гвоздями. Смолою они не осмолены, потому что смолы у них нет, а смазаны они вот как: есть у них иное, что они считают лучше смолы. Возьмут они негашеной извести да мелко крошенной конопля, смешают с древесным маслом, смешают хорошенько все вместе, и получится словно клей; этим они смазывают свои суда, а слипает та смазка, как смола.

На судах по двести мореходов; суда эти так велики, что на ином добрых пять тысяч грузов перцу, а на другом и шесть. Идут на веслах; у каждого весла по четыре морехода.

Есть у судов большие лодки, по тысяче грузов перцу на каждой и по сорока вооруженных мореходов, и зачастую тащат они большое судно. Плывут за большим судном две больших

⁴ Тумен – 10 тысяч, одна из тактических единиц в монгольском войске.

лодки, одна побольше; плывет до десяти маленьких с якорями, для ловли рыбы и для службы на большом судне.

И все эти лодки плывут по бокам большого судна; скажу вам еще, кругом двух больших лодок есть также лодки.

А когда, скажу вам еще, после года плавания судно нужно чинить, делают они вот что: кругом, на две прежних, прибивают новую доску, законопачивают их и смазывают. Так они чинят. А при новой чинке прибивают еще доску и доходят до шести досок. Описали вам суда, в которых купцы плавают в Индию и оттуда».

Описанные Поло корабли, похоже, являлись крупными мореходными джонками китайского типа. Подобные большие суда вполне могли использоваться монголами для перевозки войск, а также лошадей и припасов. Корейские суда, очевидно, имели меньшие размеры – простой арифметический расчет показывает, что вместимость каждого из 900 судов первого флота Хубилая могла составлять 40–50 человек. Естественно, такие расчеты очень неточны, ведь часть судов должны были загружаться лошадьми, припасами и т. д., а не воинами.

Китайские судостроители первыми в истории предложили несколько оригинальных конструкторских решений. Это, прежде всего, применение водонепроницаемых отсеков при построении корпуса, установка мачт не по центральной оси палубы, а немного левее или правее от нее (что помогало ловить боковой ветер), навесной руль. Последнее изобретение, похоже, проникло в Европу с Востока, причем для Марко Поло корабли без кормового весла, оснащенные значительно более удобным навесным рулем, были уже не в новинку – они появились в Европе в середине XIII века. Паруса флота Хубилая один японский источник именует складчатыми – это были традиционные китайские паруса, плетенные из циновки, с большим количеством реек. Когда ветер чересчур усиливался, можно было уменьшить площадь паруса, подтянув любое количество реек и прикрепив их к соседним. Впрочем, был в конструкции джонок один момент, который не может не обратить на себя внимание в свете несчастья, постигшего флот великого хана. Большинство китайских судов не имело ярко выраженного киля, что делало их довольно уязвимыми во время шторма. Особенно велик был шанс того, что судно не сможет удержаться на якоре при сильном боковом ветре.

К счастью, у нас есть еще один источник, рассматривая который, можно почерпнуть немало ценной информации об армии и флоте империи Юань, вторгнувшейся на Японские острова в 1274 и 1281 годах. Это знаменитый «Мёко сурай экотоба» («Свиток монгольского вторжения»). Он был создан неизвестным японским художником (или художниками) около 1286 года по заказу князя Такэдзаки Суэнага, хотевшего тем самым напомнить сиккэнам Ходзё о своих подвигах во время отражения монгольской агрессии и ненавязчиво намекнуть на необходимость надлежащего вознаграждения. Изображения на свитке цветные, расположены на длинной ленте наподобие современного комикса. В дальнейшем мы будем неоднократно обращаться к этому уникальному источнику.

Корабли империи Юань на этом свитке явно нарисованы человеком, неплохо разбиравшемся в морском деле. Некоторые из них достаточно велики, идут на веслах (что и понятно – ведь мы видим бой недалеко от берега, в бухте Хаката), но, очевидно, имеют несколько мачт, поскольку видны их основания. Изобразить паруса, видимо, не позволил формат свитка – «Мёко сурай экотоба» очень узкий и длинный. Эти большие суда Хубилая имеют довольно высоко поднятый бак и ют (художник изобразил надстройки в носовой и кормовой части этих кораблей), что в целом говорит в пользу их неплохих мореходных качеств. Однако скорость – явно не их конек: корпус этих вместительных транспортов широкий, носы закругленные. Корабли монгольского флота палубные, оснащены кормовым рулем, имеют вертикальную транцевую корму (то есть корпус заканчивается поперечной доской, расположенной вертикально, – от англ. *transom*) и так называемый балкон – деталь, которая в дальнейшем будет широко применяться европейскими кораблестроителями. На этом балконе под защитой высо-

кого фальшборта располагались монгольские лучники, дополнительно прикрытые большими прямоугольными стационарными щитами. Эти щиты и весь фальшборт на рисунках густо утыканы японскими стрелами. Тут же на корме гордо развевались белые, желтые, зеленые с черными иероглифами, драконами и солнечными дисками флаги империи Юань, украшенные бахромой, – по два на корабль, плюс нередко одно большое знамя, которое держал знаменосец. В средней части корабля фальшборт был пониже, здесь (ближе к носу) на палубе находились барабанщики, бившие в большие барабаны с боковыми кольцами для их переноски (кстати, эти инструменты на свитке очень похожи на украинские тулумбасы). На одном из кораблей флота вторжения мы даже можем увидеть музыканта с инструментом, напоминающим бубен или какой-то маленький плоский барабан. Очевидная цель музыкального сопровождения – не подавать сигналы во время боя, а задавать темп гребле (подобные «оркестры» позднее были на европейских и турецких галерах). На носу кораблей были установлены большие устройства, оснащенные двумя колесами со спицами и ручками, соединенными между собой валом с накрученным канатом. Это аналог европейского кабестана – лебедки для подъема и отдачи якоря. Сам якорь, кстати, тоже можно рассмотреть на одном из изображений. Он имеет две «лапы» и каменный или, возможно, свинцовый утяжелитель. Якоря кораблей флота вторжения могли достигать колоссальных размеров – в 2001 году экспедиция американских подводных археологов под руководством Джона Дэвиса нашла в бухте Хаката якорь длиной 7 метров и весом около тонны.

Флот империи Юань состоял не только из больших судов, описанных выше. В его состав входили и более маневренные, быстрые гребные лодки (как не вспомнить описание Поло), которые могли буксировать тяжелые корабли, а также играть важную роль при высадке войск. Эти лодки тоже есть на рисунках «Мёко сурай экотоба». Они полны лучников и пехоты, имеют низкий борт, и сидящие в них гребцы и воины прикрыты большими прямоугольными щитами со сложной верхней частью на манер знаменитых кораблей викингов (правда, у тех щиты были поменьше и круглые). Интересно, что на многие щиты наносился популярный буддистский символ – свастика (*мандзю*). Между прочим, и изображение солнечного круга встречается на этих рисунках чаще над монгольскими, нежели над японскими кораблями. На гребных лодках флота Хубилая нет надстроек, лебедок (якоря небольшие, их могли поднимать и отдавать вручную). В носовой части лодок имеется массивное кольцо, к которому мог крепиться трос для швартовки или буксировки лодки.

О японских «плавсредствах» мы поговорим несколько позже, когда речь пойдет о морских боях в бухте Хаката во время второго вторжения.

Как мы видим, Хубилаю удалось в короткое время собрать и оснастить большой флот, состоявший из весьма неплохих кораблей, укомплектовав его экипажами и десантом. И первые известия о действиях флота и войск Лю Фухэна не разочаровали повелителя монголов. В начале ноября 1274 года монгольская армада подошла к островам Цусима – тем самым, которые через шесть с лишним веков станут местом знаменитой морской битвы Русско-японской войны. Обороной островов руководил внук знаменитого полководца войны Гэмпэй, нестигаемого Тайра Томомори, прыгнувшего за борт своего корабля после проигрыша решающей битвы при Данноура (совр. Симоносэки). Звали его Сё Сукэкуни. Задачей этого князя и нескольких сотен его самураев было вовремя оповестить Ходзё Токимунэ о приближении врага и задержать монголов, выиграв время для мобилизации сил. Князь Сё погиб вместе со своими подданными, а обозленные недолгим, но яростным сопротивлением монголы вырезали немногочисленное население островов Цусима и увели в плен уцелевших местных женщин. Та же судьба постигла через несколько дней и жителей острова Ики, расположенного далее к востоку, у самого побережья Кюсю. После этого Лю Фухэн направил свою армаду в бухту Хаката, неподалеку от того места, где ныне находится город Фукуока. 19 ноября 1274 года началась высадка. Бухта Хаката – большая и вместительная, здесь можно поставить на якорь крупный флот. На

входе в нее расположен ряд маленьких островков-отмелей (Аино, Сига, Ноко и т. д.), которые были сразу заняты монголами.

Самопожертвование Сё Сукэкуни и его вассалов не было напрасным – монголов ждали самурайские дружины острова Кюсю, в основном близлежащих провинций Хидзэн и Тикудзэн. Стивен Тёрнбулл, опираясь на данные японских источников, оценивает силы японцев в 3,5–6 тысяч человек. Интересно, что японцы, в отличие от позднейших событий 1281 года, не попытались атаковать монгольский флот ни во время его перехода из корейских портов, ни уже в самой бухте. Они ждали захватчиков на суше, уповая на свое мастерство в стрельбе из длинных луков (*о-юми*) и рукопашной схватке с применением *нагината* (аналог европейской глефы⁵, или, что менее точно, алебарды) и знаменитых мечей. Кстати, в некоторых современных (разумеется, не японских, а русскоязычных) описаниях последовавших событий самураи лихо рубят монгольские головы «сверкающими как молнии каганами», хотя термин *катана* недопустим относительно XIII века. Мечи тех времен вернее называть *тати*. Чтобы не вдаваться в излишние подробности, скажем, что в общем он отличался от позднейшей катаны оправой и тем, что носили его способом, более близким к европейскому – лезвием вниз (это прекрасно видно на рисунках «Мёко сурай экотоба»).

Битва, или же серия стычек между самураями Кюсю и монголо-китайско-корейским войском 20 ноября 1274 года, наиболее известна под названием «битва у Хакодзаки» (по названию расположенного рядом храма). На рассвете монгольская конница, китайские и корейские пехотинцы атаковали городок Хаката, который обороняли японцы, узнавшие немало нового о своих противниках и их боевых приемах. Предоставим слово Стивену Тёрнбуллу:

«Первый урок касался тактики. Храбрость самурая, в некотором смысле составлявшая его главную силу, в данном случае обернулась слабостью. Традиция, предписывавшая вступать в схватку первым, собрать отрубленные головы и, главное, вызвать на поединок достойного противника, была совершенно неприменима по отношению к иноземному врагу. Как мы уже знаем, на протяжении войны Гэмпэй формальные поединки в действительности едва ли оказывали сколь-либо заметное влияние на исход сражений, однако они стали незыблемой легендой, в которую верил каждый самурай. Если вспомнить, что после окончания войны Гэмпэй прошло почти столетие и что за это время произошла лишь одна война, довольно незначительная (в 1221 году), станет ясно, что каждый самурай больше всего желал сразиться один на один с каким-нибудь монголом и отсечь ему голову, подражая деяниям предков, подвиги которых с каждым годом казались все более славными. Монголы же, которые с боями прошли через Китай и Корею, были не просто обучены воевать, но провоевали большую часть своей жизни. Они сражались в сомкнутом строю, наподобие македонской фаланги. И на эту монгольскую фалангу всадники-самураи бросились с немыслимой храбростью, ибо храбрость была их главным преимуществом».

Внимательный читатель, возможно, обратил внимание на «македонскую фалангу» в исполнении всадников-монголов. По-видимому, на такой несколько сомнительный образ автора приведенной выше цитаты вдохновили изображения корейских и китайских пеших копейщиков из все того же свитка «Мёко сурай экотоба» – там они держат строй, прикрываясь большими прямоугольными щитами и выставив копья, а японские конные лучники обстреливают их издалека. Впрочем, прямо противоположная картина также вполне могла иметь место – монгольская конница, по словам того же Тёрнбулла, «стрел не жалела и выпускала их целыми тучами». По-видимому, битва началась ожесточенной перестрелкой, в которой японцы имели меньшие шансы на успех. Дело в том, что бамбуковый большой японский лук (в рост человека), несмотря на свои габариты, все же несколько уступал в дальноточности и скорострельности монгольскому сложносоставному луку (который делался из дерева, рога и сухожилий). Счита-

⁵ Глефа – европейское древковое оружие, похожее на алебарду.

ется также, что воины юга Японии (в том числе острова Кюсю) пользовались более легкими и менее мощными луками, нежели, например, жители Хонсю.

Похоже, массированный и эффективный огонь монгольской конницы вынудил японцев начать атаку – отчаянную и безнадёжную, в свете приведенных нами выше цифр (40 тысяч воинов армии вторжения и, в лучшем случае, 6 тысяч самураев; впрочем, в битве, видимо, принимала участие лишь часть войск Хубилая – кто-то же должен был прикрывать корабли, да и высадиться за одни сутки могли не все). Далее вполне могла последовать одна из любимых средневековыми японскими бродячими певцами *бива-хоси* и режиссерами современных самурайских боевиков сцен – повторяющиеся атаки небольших конных отрядов самураев на огромные силы врага. Они во всей красе запечатлены и на картинах «Мёко сурай экотоба» – знаменосцы ведут в бой отряды, мчатся, стреляя на ходу, лучники в доспехах с разноцветной (желтой, зеленой, алой) шнуровкой, падают сраженные монгольскими стрелами кони, а всадники, высвободив ногу из стремени (тогдашние японские стремена имели форму деревянного башмака без задника, и из них было легко выдернуть ногу при падении), продолжают бой пешими. По всей видимости, самураям, с их ставкой на безрассудную отвагу, удалось внести замешательство в ряды монголов и китайцев, но это стоило больших потерь японской стороне. Далее, как в классическом эпосе, немногие уцелевшие после лихих атак японские воины заняли остатки каких-то земляных укреплений, чтобы принять последний бой.

Нам не известно, когда именно в ходе боя произошло одно важное событие, возможно, серьезно повлиявшее на его исход – молодой самурай Сиони Кагэсукэ тяжело ранил стрелой главнокомандующего армией вторжения Лю Фухэна, которого вынесли из гущи боя и перенесли на корабль. Натиск монголов продолжался до ночи, однако японцы держались стойко. На помощь воинам Кюсю спешили войска сёгуната с Хонсю и Сикоку – за подкреплениями послали сразу же после первых известий о приближении врага. Впрочем, надежды на то, что подкрепления придут вовремя, было мало. «Всю ночь мы оплакивали нашу судьбу, – писал один из самураев, – думая, что обречены и будем уничтожены до последнего человека, и что не останется семени, чтобы наполнить девять провинций» [Кюсю был традиционно поделен на девять провинций. – Д. Ж.]. Очевидно, сетования на судьбу перемежались горячими молитвами к родным богам. Эти молитвы не остались неслышанными.

То, что произошло дальше, является поистине одной из самых больших загадок первого монгольского вторжения в Японию. Наиболее вероятно, что монголы начали, по словам Тёрнбулла, «тактическую эвакуацию» с целью перегруппировать силы и нанести новый удар по врагу. Это вполне в духе монгольской стратегии и тактики – бить там, где враг слаб, обходить его с флангов и т. д. Возможно, рельеф местности мешал совершить такой обходной маневр по суше силами монгольской конницы. Вероятно также, что армию вторжения несколько обескуражил яростный отпор со стороны японцев (ослабленных дневным боем, но вполне способных устроить внезапную ночную атаку) и тяжелое (по некоторым данным, смертельное) ранение Лю Фухэна. Версия о подошедшем к концу запасе стрел кажется несколько надуманной – на кораблях должны были быть значительные запасы оружия. Так или иначе, высадившиеся на берег части начали грузиться обратно на корабли под прикрытием копейщиков и пеших стрелков. Чтобы осветить место погрузки на корабли (а заодно насолить японцам), монголы подожгли несколько рыбацких деревень и храм Хакодзаки.

За такое святотатство монголы были наказаны самым жестоким образом. Сильный дождь, погасивший пожары, и штормовой ветер начались именно в тот момент, когда армия и флот вторжения были наиболее уязвимы – во время погрузки войск на корабли. Иногда авторы, описывающие эти события, говорят об урагане, тайфуне. По нашему мнению, «камикадзэ № 1» вполне мог быть просто очень сильным штормовым ветром из разряда тех, что часто дуют в Корейском проливе, особенно в осенние месяцы. Неужели главная ошибка монгольских военачальников была именно в выборе времени для начала похода? Не исключено, что это именно

так. Помните послов Хубилая, которые не смогли с первой попытки попасть в Японию из-за шторма осенью 1266 года? Так или иначе, сильная буря разметала армаду Хубилая, многие корабли были потоплены или выброшены на берег, один из них сел на отмель Сига и был взят японцами на абордаж. Потери войск Хубилая во всей экспедиции (в боях на суше и от шторма), по данным корейских хроник, были немалыми – 13 тысяч человек убитыми и утонувшими (т. е. треть всей армии).

Несомненно, такой внезапный и чрезвычайно драматичный перелом в ходе событий мог быть расценен японскими священнослужителями, а также простыми воинами и крестьянами как прямое божественное вмешательство *ками* – японских синтоистских божеств. *Коми кадзэ*, божественный ветер...

Представление об особой защите со стороны богов земли Ямато основывалось на глубоко укоренившемся представлении об императоре-тэнно как прямом потомке богини Солнца Аматаэрасу и представителе никогда не прерывавшейся династии. По мнению японских интеллектуалов былых времен, божественный ветер насылялся богами ками по разным поводам не единожды, и, получается, случай с монголами даже не самый ранний (хотя и самый широко известный). Уэда Акинари (1734–1809), японский новеллист XVIII века, в рассказе «Круча Сираминэ» (входящий в знаменитый сборник «Луна в тумане», неоднократно издававшийся в русском переводе) воспроизводит один любопытный диалог между известным поэтом XII века Сайгё и духом императора Сутоку. Речь идет о книге китайского философа Мэн Кэ «Мэн-цзы» («Философ Мэн»), содержащей опасные и неподходящие, по мнению Сайгё, идеи о возможности свержения нечестивого правителя народом. Уэда Акинари вкладывает в уста Сайгё следующую сентенцию:

«Власть принадлежит богам. Так установлено, что никому не дано своевольно отнимать престолы... Все книги земли Хань – сутры, хроники, стихи, – все до одной привезены к нам, в Страну восходящего солнца, и только эта книга Мэн-цзы не привезена. Говорят, что всякий корабль, который везет к нам эту книгу, непременно попадает в бурю и тонет. А почему? Как я слышал, боги опасаются появления у нас этого хитроумного сочинения, так как в последующие времена может объявиться злодей, который скажет: «Нет преступления в том, чтобы отнять престол у потомка богов». Между тем с тех пор, как богиня Аматаэрасу основала нашу страну, ни разу не прерывалась династия императоров – ее потомков. Потому разгневанные боги, поднимая священный ветер «камикадзэ», губят корабли с книгами Мэн-цзы. И немало в учениях других стран такого, что не годится для нашей страны, хотя это и учения святых. Есть даже стихи:

Пусть дома ссорится семья —
У ней отпор врагу один.

Перевод А. Штукина

Эти стихотворные строчки, взятые Уэда Акинари из «Шицзина» (всемирно известного китайского сборника стихов и песен), неплохо перекликаются с призывами Ходзё Токимунэ ко всем японцам объединиться перед лицом врага и стать с молитвой и мечом на защиту родных очагов.

Истории о тонущих кораблях с книгой Мэн-цзы и флоте Хубилая объединяет прежде всего то, что в обоих случаях японские боги спасают свою страну от вторжения: в первом случае «идеологического», во втором – самого настоящего.

Последующие семь лет после описанного нами сражения войска Хубилая вели активную завоевательную политику на юге Китая, продолжая его покорение. В 1276 году император Сун признал себя вассалом и отдал победителям государственную печать: «Север и Юг стали одной семьей». Бывшего правителя ожидали ссылка в Тибет и монашество.

Хубилай брал один город Южного Китая за другим. На китайский престол был посажен мальчик, брат по отцу увезенного на север императора, сын наложницы. Корабль, на котором отплыл мальчик-император, затонул. Те, кто остался в живых, позже на допросе показали: преданный сановник Лу Сюфу взял своего государя на руки и вместе с ним бросился в море. Наследник империи Сун разделил печальную участь малолетнего японского императора Антоку, бросившегося за борт флагманского корабля флота Тайра в 1185 году при Данноура. Империя Сун погибла, весь Китай лежал у ног Хубилая. В 1277 году монголо-китайские войска предприняли попытку завоевания Бирмы (которую они повторили в 1287 году, оба раза чудовищно опустошив страну).

Хубилай еще в 1254 году преподнес своему учителю, тибетскому иерарху, главе секты Сакья Пагба-ламе титул *ди ши* – наставник императора, правда, почести ему воздавал лишь наедине, а на официальных встречах Пагба-лама держался как обычный подданный. Хан вручил Пагба-ламе свиток, на котором было написано: «Как истинный последователь Великого Будды, всемилостивейший и непобедимый правитель мира... я всегда проявлял особую любовь к монастырям и монахам вашей страны... Получая наставления от вас... и в награду за то, чему я научился от вас, я должен сделать вам подарок. Итак, это письмо и есть мой подарок. Оно дарует вам власть над всем Тибетом... Поскольку я избран быть вашим покровителем, ваш долг – исполнять учение божественного Будды. Этим письмом я возлагаю на себя обязанности покровителя вашей религии».

Новоявленный правитель Тибета так отблагодарил за высокую милость: «Великий хан, мне доподлинно известно, что ты – перевоплощение бодхисаттвы Маньчжушри, и это будет объявлено буддистам всей страны. Ты – бодхисаттва, великий правитель Чакравартин, царь веры, вращающий тысячу золотых колес!»

Но, воплощая в жизнь свои широкомасштабные планы на континенте, Хубилай не забывал и о «стране Чипангу». После провала первого похода великий хан продолжал направлять на Японские острова дипломатические миссии. Но теперь, после резни на островах Цусима и Ики, после боев на берегу бухты Хаката, уверенные в своих силах правители Страны восходящего солнца «разорвали дипломатические отношения» с империей Юань традиционным для тех времен способом – тем самым, который в 1238 году применили на Руси по отношению к монгольским послам рязанские князья. Они просто казнили послов Хубилая, причем сделали это дважды: 7 сентября 1275 года в Тацунокути и 29 июля 1279 года в Хакати. В последнем случае были казнены члены монгольской делегации, доставившие японскому правительству письмо с требованием подчинения.

После такой демонстрации силы с японской стороны стало более чем ясно, что нового похода на Японию не избежать. Для монголов покарать японцев за убийство послов было делом чести. Кроме того, после покорения Южного Китая в руки Хубилая попал большой морской и речной флот империи Сун – тысячи крупных джонок, которые можно было использовать для нового морского похода. И хан отдал приказ начать подготовку к невиданной по масштабам морской экспедиции.

Естественно, после внезапного поражения первого монгольского вторжения вера японцев в божественное покровительство над их страной должна была всячески укрепиться. Однако сиккэн Ходзэ Токимунэ прекрасно понимал простую истину: «на kami надейся – но и сам не плошай» (да простит нам читатель такую вольную ее трактовку.) В связи с этим бакуфу предприняло несколько шагов разной степени эффективности. Во-первых, за семь лет, которые прошли между первым и вторым монгольским вторжениями, на берегу большой бухты Хаката была построена длинная каменная стена в двадцать миль длиной, от 1,5 до 3,5 м шириной у основания и от 1,5 до 5 м в высоту. К сожалению, это интересное фортификационное сооружение не сохранилось до наших дней. Эта стена (она неплохо видна на одном из фрагментов свитка «Мёко сурай экотоба») была сложена из необработанных камней, соединенных рас-

твором. Со стороны, обращенной к морю, она была отвесной и пологой – со стороны внутренней, так, что на нее вполне мог въехать верхом *юмитори* (самурай-лучник). Северный конец стены немного не доходил до длинной песчаной отмели Сига, куда, как помнит внимательный читатель, шторм выбрасывал в 1274 году монгольские корабли. Сооружение стены было делом дорогостоящим, и поэтому Стивен Тёрнбулл в свое время высказал сомнение в целесообразности этого проекта. Ведь потраченные деньги, силы и ресурсы можно было пустить, к примеру, на строительство флота. Но эти сомнения кажутся необоснованными – ведь именно линия старых рвов и валов помогла самураям сдержать в 1274 году корейскую пехоту и монгольскую конницу, и этот опыт был учтен. Кроме того, ведь флот в том виде, в котором он был известен японцам, все-таки был создан! Правда, широкомасштабные планы перенесения войны на вражескую территорию (в Корею), предложенные некоторыми *даймё* с Кюсю, для чего предлагалось построить побольше военно-транспортных кораблей, были отвергнуты Ходзё Токи-мунэ как слишком дорогостоящие и рискованные. Но японцы все же построили десятки (если не сотни) небольших маневренных суденышек, годных для абордажного боя, которые могли успешно действовать в прибрежных водах, среди хорошо известных уроженцам Кюсю отмелей и рифов.

Кроме того, были разработаны четкие мобилизационные планы на случай монгольского вторжения. Самураи четырех западных провинций Кюсю – Хидзэн, Тикуго, Хиго и Сацума – должны были защищать морское побережье в пределах территории провинций. Для этого были созданы отряды береговой охраны, а также проведены мобилизационные мероприятия и на Хонсю – в конце концов, ведь монголы могли попытаться высадиться и там, растянув силы обороняющихся.

О том, что вторжения грозных врагов не избежать, напоминали не только донесения агентов с материка. Об этом продолжал твердить и неугомонный проповедник Нитирэн, создатель буддийской секты «*Нитирэн-сю*» – единственной нетерпимой по отношению к другим учениям ветви японского буддизма, в основе учения которой лежало почитание Сутры Лотоса Божественного Закона.

Нитирэн родился 16 февраля 1222 года в провинции Ава и был назван Дзэннитимаро. Став монахом, он прошел обучение в знаменитом монастыре Энрякудзи на горе Хиэй, а затем изучал доктрины основных семи буддийских школ в семи великих храмах близ первой столицы Японии – города Нара, а также доктрину школы Сингон на горе Коя. 28 апреля 1253 года в храме Сайтё-дзи будущий проповедник заявил об установлении Истинной Дхармы, впервые произнеся «Наму-Мё-Хо-Рэн-Гэ-Кё!» («Слава Лотосу Божественного Закона!») на горе Киёсуми, и принял новое имя, прославившее его впоследствии, – Нитирэн. В том же году *Дайсёнин* (Великий Учитель) Нитирэн обратил своих родителей в Истинную Дхарму и переехал в сёгунскую столицу – Камакура.

В течение последующих 29 лет своей жизни Нитирэн активно проповедовал по всей стране, изгонялся правительством сёгуната из столицы, писал письма и лично встречался с высшими правительственными чиновниками, даже приговаривался к смертной казни. «Нитирэн-сю» призывала японцев отвергнуть учения всех остальных направлений буддизма, принять истины, изложенные в Сутре Лотоса, ибо только слово самого Будды спасительно и помогает достичь нирваны. Для этого верующие должны были усиленно читать и изучать упомянутую сутру. Нитирэн много странствовал, собирая слушателей звуками гонгов, барабанов, чтением мантр. Существует мнение, что Нитирэн пытался превратить свое учение – одно из многих направлений японского буддизма – в чуть ли не единственную истинно национальную религию. Правда, на наш взгляд, это кажется преувеличением. Впрочем, в поведении самого Великого Учителя и его последователей было немало резкой прямооты и даже фанатизма, которые наталкивают исследователя на проведение параллелей с европейскими еретическими и протестантскими сектами, провозглашавшими необходимость внутреннего очищения в преддверии

приближающихся невиданных катаклизмов. Таким катаклизмом выступали в нашем случае голод, мор и, главное, – вторжение иноземных завоевателей (монголов).

Нитирэн, будучи хорошо осведомлен о событиях на континенте, неоднократно писал послания сиккэну и его чиновникам, в которых предупреждал о необходимости единения всех японцев, пресечения злоупотреблений, предлагая свою утопическую программу внутреннего и внешнего очищения государства, нации и каждого человека. Только это, по его глубочайшему убеждению, могло спасти страну Ямато. Еще 16 июня 1260 года проповедник подал окружению сиккэна Ходзё свой трактат «Риссё-анкоку-рон» («Рассуждения об установлении справедливости и спокойствия в стране»), в котором предсказывал внутренние смуты и вторжение извне. Вернувшись в Камакура из ссылки, куда он угодил за это дерзкое письмо, 11 октября 1268 года Нитирэн написал одиннадцать писем правительственным чиновникам и высокопоставленным священникам, в которых упрямо твердил: «приход монголов близок». Напомним читателю – весной этого же года в Японию прибыла первая делегация Хубилая. Нитирэн продолжал бомбардировать правительство Ходзё письмами, увещеваниями, даже угрозами, на что правительство отвечало по-разному – избирательными репрессиями против сторонников неугомонного сэнсэя, даже смертным приговором ему самому (по преданию, меч палача разлетелся на куски, едва коснувшись шеи святого, и казнь была отменена), компромиссами и позволением участвовать в религиозных диспутах (каковые состоялись, например, в январе 1272 год в Цукахара).

При изучении всей этой запутанной истории с «японским Нострадамусом» удивляет даже не столько то, что Нитирэн был непоколебимо уверен в том, что иноземное вторжение произойдет, да еще и дважды (допустим, у него были неплохие связи среди буддийских монахов в Корее и Китае), сколько сам факт, что Ходзё Токимунэ терпел выходки Дайсёнина. Похоже, Нитирэн обладал-таки немалым даром убеждения (не зря же его проповеди собирали огромные толпы, и количество сторонников Нитирэн-сю росло очень быстро по всей Японии). Интересно, как сам Нитирэн воспринял известия о первой высадке войска Хубилая на Кюсю, битве у Хаката и гибели части вражеского флота? По некоторым сведениям его современников, он, как религиозный учитель и настоящий японец, молился о том, чтобы Небо покарало захватчиков. С одной стороны, новости о вражеском походе вполне могли быть восприняты как воплощение его пророчеств, с другой – стало ясно, что это еще не все и монголы вернуться. В любом случае именно в 1274 году огромное количество крестьян, самураев и даже монахов других буддийских сект обратились к учению Нитирэн-сю. Нитирэн продолжал свою бурную деятельность все последующие семь лет, создавая трактаты («Истинный объект почитания», «О пророчествах Будды», «Истинная Сущность жизни», «О практике Учения Будды», «Сущность Благочестия», «О преследованиях, вызываемых Буддой» и т. д.), проповедуя, собирая информацию. Символично, что этот поистине огненный дух угас в том самом году, когда его пророчества получили окончательное блестящее подтверждение – 13 октября славного для сынов Ямато 1281 года, через несколько месяцев после катастрофического окончания монгольской попытки завоевания Японии... Кстати, секта «Нитирэн-сю» надолго пережила своего создателя – она существует и по сей день, ее сторонники живут не только в Японии, но и, к примеру, в Украине и России.

Однако вернемся к монгольским приготовлениям к небывалому по масштабам морскому походу. Хубилай учел ошибки, допущенные в прошлом, – теперь на Японских островах должна была высадиться поистине колоссальная армия. Фактически таких армий было две. Первая, так называемая Восточная, должна была совершить переправу из Кореи на корейских же судах из порта Айура. Она состояла из корейской пехоты и моряков (10 тысяч солдат, 17 тысяч матросов) и монголо-китайского корпуса (15 тысяч конницы и пехоты). Эти войска должны были переправиться на 900 кораблях, набранных в Корею. Как мы видим, одна Восточная армия была вполне сравнима по численности со всей юаньской армией вторжения 1274 года. Но в 1281 году эти силы скорее должны были выполнять функции первой волны, авангарда. Основ-

ной, решающий удар должна была нанести огромная Южная армия («армия к югу от Янцзы»), которая начала грузиться на суда в южных китайских портах в начале июня 1281 года. Ее численность не может не поражать воображение даже современных военных историков – 100 тысяч монгольских и китайских воинов плюс 60 тысяч моряков на 3500 судах. Даже учитывая склонность китайских источников к преувеличениям, все равно ясно, что это была колоссальная военно-морская операция, успешное проведение которой было возможно лишь при условии высокой выучки командиров и воинов, скоординированности действий, полного господства на море и хорошей погоды.

В общем план Хубилая и его военачальников – командующих армиями вторжения А Цзе Ханя и Фэнь Вень Ху (Марко Поло называет их соответственно князь Абатан и Вонсаничин) – был достаточно рационален. В самом деле, нельзя было ожидать от опустошенной Кореи того, чтобы она смогла выдержать нашествие стотысячной орды монголов и китайцев, которым к тому же пришлось бы сделать утомительный и долгий марш по северокитайским и корейским горам и долинам, чтобы добраться до портов в южной части полуострова, вздумай Хубилай переправить всю массу войск одним махом через узкий Корейский пролив. Вполне здравой следует признать идею демонстративной атаки на Хонсю, проведенной частью флота и армии вторжения – это монголы осуществят в ходе своей высадки, весьма обеспокоив правительство Ходзё. Немного странно, почему военачальники Хубилая выбрали основным местом высадки ту самую бухту Хаката, что и в прошлый раз, в 1274 году? В принципе, этот большой залив – удобное, но все же не единственное место для высадки с моря, если рассмотреть всю береговую линию Кюсю и тем более Хонсю – главного острова Японии. В конце концов, ведь монголы всегда славились своей разведкой, и информация о грандиозном строительстве стены по периметру бухты должна была, так или иначе, просочиться. Как нам кажется, причин для такого, на первый взгляд, странного выбора, было несколько. Во-первых, монголы со времен Чингисхана не очень опасались длинных фортификационных сооружений, которые можно было обойти, прорвать в плохо охраняемом месте и т. д. Тем более, что в их распоряжении в 1281 году были мощные осадные орудия, в том числе и секретное «супероружие», о котором мы расскажем немного позже. А во-вторых, ведь именно прибрежные воды вокруг бухты Хаката были прекрасно изучены опытными моряками-корейцами, многие из которых участвовали и в первом, и во втором походах. По всей видимости, эти соображения, а также полная уверенность в беспомощности японцев на море перевесили тот факт, что военачальники Хубилая нарушили один из основополагающих принципов военного искусства – не делать шагов, очевидных для противника... Очевидным минусом плана было то, что Южная армия империи Юань должна была осуществить довольно непростой морской переход из района китайских портов Гуанчжоу и Ханьчжоу в район острова Ики, где ко 2 июля она должна была соединиться с Восточной армией для совместной атаки на Кюсю.

Даже при самой блестящей подготовке остаются факторы, слабо зависящие от человека либо вовсе ему неподвластные, – физическая невозможность хорошей координации действий огромных масс кораблей и войск при условии отсутствия более-менее совершенных средств связи и погода. То, что именно эти факторы в конечном итоге оказались губительными для войск Хубилая, – закономерно и одновременно неожиданно. Почему закономерно – ясно, а вот неожиданно потому, что ведь Хубилай учел еще один урок 1274 года, хотя на это редко обращают внимание исследователи. Первый флот погубили осенние штормы, поэтому второй отправился в поход *летом*. В конце концов, было бы глупо требовать от монгольских шаманов и китайских астрологов (не принижая никоим образом их искусства), чтобы они точно спрогнозировали возможность зарождения летнего тайфуна-камикадзэ, маршрут которого проляжет как раз вдоль побережья Кюсю с бухтой Хаката! Хотя, конечно, такие ураганные ветры – не редкость для Японии и всего Дальневосточного региона.

Учитывая все вышесказанное, стоит признать, что планы Великого хана – внука Чингиса, включавшие повторную высадку и завоевание Японии, были хотя и не идеальны, но в целом вполне осуществимы. Однако ветреная Клио – муза истории – так любит неожиданные повороты, которые одни считают историческими закономерностями, другие – чистой воды случайностями, третьи же видят в них незримую руку таинственной судьбы...

Восточная армия империи Юань отплыла из Кореи 22 мая 1281 года. 9 июня монголы, китайцы и корейцы опять ступили на побережье островов Цусима. И снова небольшие гарнизоны островов оказали отчаянное и, увы, безнадежное сопротивление захватчикам. В течение нескольких дней все было кончено. 14 июня монголы высадились на Ики и быстро захватили остров. Затем Восточная армия почти неделю ждала известий от главных сил. Но Южная армия запаздывала. Колоссальное войско в китайских портах слишком медленно грузилось на корабли. Полководцы Хубилая явно выбивались из графика. Ждать дальше у Ики было неразумно – каждый день промедления давал японцам возможность собрать силы для отражения вторжения, кроме того, армия просто проедала провиант на кораблях, запасы которого было совсем непросто пополнить, находясь посреди Корейского пролива. Командование Восточной армии империи Юань приняло решение начать вторжение своими силами. 21 июня часть флота совершила демонстративное нападение на западное побережье Хонсю. Основные же силы флота отправилась в бухту Хаката. Войско захватчиков попыталось высадиться на песчаной отмели Сига у самого конца японской стены. Но, по-видимому, японские военачальники вполне осознавали уязвимость правого фланга своих оборонительных позиций. Нам точно не известно, какое количество самураев обороняло стену, но, по-видимому, оно было гораздо большим, чем в 1274 году, учитывая эффективность проведенной подготовки к мобилизации. Тот факт, что монголам и их корейско-китайским союзникам так и не удалось высадить большого количества войск в Хаката, говорит об эффективности яростного отпора со стороны японцев. Возможно, узкий выход с отмели Сига был перекрыт линией рвов и частоколом – обычными японскими укреплениями тех времен. Попытки войск Хубилая прорвать японские позиции длились до 30 июня. Японскую стену атаковала корейская пехота в длинных стеганых доспехах, китайские латники, ее обстреливали осадные орудия, включая упомянутое нами выше «супероружие» – катапульты, метавшие разрывные снаряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.